

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.65>

Борунов Артем Борисович

Речевой портрет образа иностранца в "фандоринском" корпусе Б. Акунина как лингвостилистическая константа метацикла

Цель исследования - показать стратегию Б. Акунина, примененную им в "фандоринском" метацикле при создании речевого портрета персонажа-иностранца, которому удается интегрироваться в российское общество. Научная новизна заключается в выявлении характерных приемов создания образа "русских иностранцев" сквозь речевую призму. В итоге выявляется определенная гомология в использовании лингвостилистических средств в создании указанных образов, само присутствие которых в романах Акунина является одной из циклообразующих констант "фандоринского" корпуса. В результате доказывается, что наиболее часто используемым (в рамках языковой игры с читателем) средством идентификации "обрусевшего" иностранца становится цитирование произведений классической русской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/12/65.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 12. С. 327-331. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Русская литература

Russian Literature

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.12.65>

Дата поступления рукописи: 15.11.2020

Цель исследования – показать стратегию Б. Акунина, примененную им в «фандоринском» метацикле при создании речевого портрета персонажа-иностранца, которому удается интегрироваться в российское общество. *Научная новизна* заключается в выявлении характерных приемов создания образа «русских иностранцев» сквозь речевую призму. В итоге выявляется определенная гомология в использовании лингвостилистических средств в создании указанных образов, само присутствие которых в романах Акунина является одной из циклообразующих констант «фандоринского» корпуса. *В результате* доказывается, что наиболее часто используемым (в рамках языковой игры с читателем) средством идентификации «обрусевшего» иностранца становится цитирование произведений классической русской литературы.

Ключевые слова и фразы: Акунин; постмодернизм; лингвистическая игра; речевой портрет; имитация русской речи.

Борунов Артем Борисович, к. филол. н.
Московский городской педагогический университет
borunov.artem@yandex.ru

Речевого портрета образа иностранца в «фандоринском» корпусе Б. Акунина как лингвостилистическая константа метацикла

Введение

Персонаж-иностранец, говорящий на русском языке, достаточно часто встречается на страницах как классической, так и современной русской литературы. Во многих случаях речевые ошибки такого персонажа, искажение русских слов, невольные возникающие каламбуры используются для создания комического эффекта. Примерами подобных комических персонажей являются губернатор Вральман в «Недоросле» Фонвизина, гувернантка Шарлотта Ивановна в «Вишневом саде» Чехова. Также во многих произведениях русской литературы присутствуют персонажи-иностранцы, говорящие на правильном русском языке, у которых их чужеродность, инаковость подчеркиваются главным образом психологически, за счет их своеобразного внутреннего дуализма. Это, например, Германн из «Пиковой дамы» А. С. Пушкина, Штольц из «Обломова» И. А. Гончарова и пр. В изображении персонажа-иностранца намечаются, таким образом, две полярные тенденции: это либо человек, говорящий по-русски с явными ошибками (что делает его смешным), либо человек, настолько хорошо интегрировавшийся в русскую языковую среду, что его практически нельзя назвать иностранцем, и только его характер и склад ума выдают в нем иностранца. В современной литературе у Б. Акунина возникает и репродуцируется в ряде произведений третий тип персонажа – человек, которому в силу жизненных обстоятельств необходимо интегрироваться в русскую языковую среду и выдавать себя за русского. К такому типу относится шпион Йозеф фон Теофельс из романа «Смерть на брудершафт» и Николас Фандорин из цикла произведений «Приключения магистра», переезжающий в Россию в поисках сокровища своего предка. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что типаж иностранца, хорошо говорящего на русском языке, в русской литературе ранее не рассматривался, между тем подобный объект рассмотрения позволяет выявить акунинские механизмы создания образа героя в проекции на лингвистический портрет, что является злободневной историко-литературной и теоретической проблемой, до сих пор не получившей в науке должного освещения. Кроме того, в настоящее время назрела необходимость анализа когнитивной составляющей персонажей как некоей психолингвистической целостности. Предложенный в статье подход открывает новые перспективы изучения стилистики текста в его поэтико-прагматическом ракурсе. Инновационный ракурс воссоздания речевого портрета обеспечен использованием средств языковой игры в рамках поэтики постмодернизма: с опорой на прецедентные тексты, потенциально известные читателю.

Для анализа особенностей речевого портрета указанных персонажей «фандоринского» корпуса требуется решение ряда конкретных *задач*: во-первых, вычленив их высказывания – как в диалогах, так и во внутренней речи – в текстах произведений; во-вторых, произвести сопоставление и выявить общие стратегии; в-третьих, рассмотреть полученные характеристики в сравнении с другими персонажами «фандоринского» корпуса. По контрасту со сквозным образом камердинера Масы, в котором подчеркивается его «иностранность», герой «Смерти на брудершафт» фон Теофельс, будучи по национальности немцем, напротив, прекрасно интегрируется в языковую среду и воспринимается как «свой».

Для решения поставленных задач используются такие *методы исследования*, как контекстуальный анализ и структурно-семантический анализ речи персонажей.

Теоретической базой исследования послужили работы, посвященные речевому портрету и способам конструирования языковой личности, в частности работы Г. И. Богина [14], Ю. Н. Караулова [16], И. В. Башковой [12], Т. В. Кочетковой [20], С. В. Леорда [21], а также работы, посвященные творчеству Б. Акунина, в частности А. В. Казачковой [15], Л. Г. Кихней, О. В. Афанасьевой, К. Ф. Герейхановой [17-19], Р. Х. Туовой [22], Н. Г. Бобковой [13].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные выводы могут быть использованы как в практике изучения современной русской литературы в школах и высших учебных заведениях, так и в практике анализа речевого портрета личности при изучении современного русского языка.

Образ «гипертрофированного» иностранца

В текстах Б. Акунина, посвященных приключениям сыщика Эраста Фандорина, а также его многочисленных потомков и предков, достаточно много персонажей-иностранцев, говорящих на русском языке. В тексте романов и повестей часто встречаются персонажи-иностранцы, не очень хорошо освоившие русский язык и прибегающие к макаронической речи. Так, камердинер Фандорина Масахиро Сибата, впервые возникший на страницах романа «Смерть Ахиллеса», первоначально вообще не говорит на русском языке и пользуется только жестами: «Когда по коридору кто-то шел, Маса прикладывал палец к губам, укоризненно цыкал языком и показывал то на запертую дверь, то куда-то в область своего пупка. В результате по этажу мигом разнесся слух, что в двадцатом остановилась китайская принцесса на сносях и будто бы даже уже рождает» [5, с. 19]. В романе «Любовник смерти» Маса разговаривает достаточно бегло, однако Акунин на протяжении всего текста имитирует его акцент: «Слышит, китаеца спрашивает (говор чудной, но понять можно): – Фирин-кун, гдзе твой товаришь? Который быстро бегар. Такой худзенький, ворос дзёртый, градза серые, нос с конопуськами?» [3, с. 42].

В дальнейшем Маса осваивает русский, постепенно избавляясь от акцента. В завершающих серию «Новый детектив» романах «Черный город» и «Не прощаюсь» он уже говорит на практически чистом и правильном русском языке, ошибаясь лишь в произношении. Так, в «Черном городе» он говорит: «В меня влюбилась очень-очень красивая женщина Курася из швейной мастерской на улице Покуровка» [11, с. 23] – имеются в виду имя Клаша и улица Покровка. В «Не прощаюсь» фонетические особенности речи Масы уже не передаются, остались только лексические японские вставки: «Помните церковь Сен-Жерве в квартале Марэ? – говорил Маса. – Мы еще с вами в девяносто девятом арестовали там “Маньяка с улицы Белых плащей”. Немецкая дайхо расшибла ее прямым попаданием, поубивала всех молящихся» [4, с. 28]. На примере этого персонажа в «фандоринском» корпусе показан процесс интеграции в русскую языковую среду – от полного непонимания до постепенного овладения языком и, наконец, доведения знания языка до совершенства. При этом Маса никогда не выдавал себя за русского – его воспринимают чаще всего как китайца, обращаются к нему «ходя», в разговоре с ним используют искаженные фразы, ошибочно предполагая, что так ему будет понятнее. Его восприятие русской действительности на протяжении всех произведений, в которых он действует, контрастирует с тем, как обыденные вещи воспринимают сами носители языка (ср., в «Смерти Ахиллеса»): «Смотри, это конка, она по маршруту ходит. И дама наверху, на имперiale! А прежде дам наверх не пускали – неприлично.

- Почему, господин? – спросил Маса, которого полностью звали Масахиро Сибата.
- Ну как же, чтоб с нижней площадки не подглядывали, когда дама по лесенке поднимается.
- Европейские глупости и варварство, – пожал плечами слуга» [5, с. 12]).

Маса осваивает не только русский язык, но и русскую культуру, этикет, обычаи, часто совершая ошибки: практически в каждом романе с его участием незнание им каких-либо принятых правил приличия приводит к тому, что Эраст Петрович оказывается в неловкой ситуации. Персонаж Масы, таким образом, является отсылкой к образу «комического иностранца» – его подчеркнуто искаженная речь, непонимание различных кодексов и законов общества вводят в «фандоринский» текст элемент ситуативного комизма и отсылают к таким образам классической русской литературы, как Вральман из «Недоросля» и Шарлотта из «Вишневого сада».

В то же время лингвистический анализ речи Масахиро Сибаты на русском языке показывает, что он, в отличие от того же Вральмана, практически не делает грамматических ошибок, яркой чертой его искаженной речи является только фонетика. Так, типичный образец речи Вральмана у Фонвизина включает в себя и лексические, и грамматические ошибки: «Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лфче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел» [23]. Помимо фонетического искажения, в этом высказывании присутствуют и несуществующее слово «зповыши» (*«сповыше?»), и ошибка в управлении («сматру польшой сфет»). Маса у Акунина разговаривает со значительными фонетическими искажениями (постепенно

нивелирующимися и в «Не прощаюсь» исчезающими окончательно), но грамматически правильно: «– Нехоросё, – говорит, – Фирин-кун. Софусем не-хоросё. Гдзе тётки? <...> – Сярики, зерёные, на нитотьке. В узерке быри. <...> – Сенька-кун, – говорит, – бегачь не надо. Сегодня у меня не гэга, сътибреты – догоню» [3, с. 43]. Если это высказывание «перевести» с соблюдением орфографии, в нем не будет ни одной стилистической или грамматической ошибки, как и в других образцах высказываний Масы. Автор тем самым подчеркивает, что иностранец с Востока – из Японии, хотя внешне и не похож на русского и воспринимается как чужеродный, тем не менее с легкостью постиг и лексику, и грамматику русского языка, а не дается ему внешний аспект – фонетика.

Иностранец, выдающий себя за русского

Параллельно с серией «Новый детектив» Б. Акунин создавал альтернативные проекты, в которых действовали предки, потомки и дальние родственники Эраста Петровича Фандорина. В этом литературном проекте присутствуют два персонажа, которые выросли в чужой языковой среде, но в силу обстоятельств вынуждены приехать в Россию и в кратчайшие сроки интегрироваться в языковую среду. Один из них – Йозеф фон Теофельс (Теофельс – родовой замок фон Дорнов, давших начало фамилии Фандориных в России), немец, который действует в произведениях из цикла «Смерть на брудершафт» и в романе «Шпионский роман». Во всех новеллах из цикла «Смерть на брудершафт» Теофельс выдает себя за русского человека, причем берет себе фамилию из классических произведений русской литературы XIX века – так, в новелле «Младенец и черт» он называет себя Фердыщенко, в честь героя «Идиота» Ф. М. Достоевского, в «Летающем слоне» – Долохов, в честь героя «Войны и мира» Л. Н. Толстого, в «Странном человеке» – Базаров, в честь героя «Отцов и детей» И. С. Тургенева, в ««Мария», Мария...» – Родион Романович Мышкин, комбинируя имя и отчество Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского с фамилией Мышкин из романа «Идиот», в «Ничего святого» – Башмачкин, в честь героя «Шинели» Н. В. Гоголя.

Фон Теофельс прекрасно маскируется под русского человека и говорит без каких бы то ни было выделяющих его речь лингвистических особенностей. В первой новелле он объясняет свое знание русского языка: «Наверное, вы русский немец? <...> – Нет, я немецкий немец. Просто с детства учил ваш язык. Отец и дядя, оба люди военные, всегда говорили: Россия для нас самая главная страна» [8, с. 197].

Реплики и внутренние монологи Йозефа на русском языке практически не отличаются от реплик других русскоязычных персонажей: он говорит, используя эллипсисы, неполные предложения, безличные предложения, то есть свободно использует те конструкции, которые у иностранца, как правило, вызывают трудности в силу отсутствия их в других языках. Например, в беседе с Распутиным Теофельс говорит: «Гадко сегодня на улице. <...> Промозгло. Раз люди из-за вас стараются, поднести бы им» [10, с. 136].

Отличительной чертой речи Йозефа фон Теофельса является цитирование им строк из стихотворных и прозаических произведений русской литературы XIX и XX веков – так, он цитирует Пушкина: «Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя, – ласково сказал он. – Как по-твоему, дядька Савельич, долго ль продлится сей буран?» [8, с. 189]; «У нас три с половиной часа. Пора, пора, рога трубят! – Какие рога? – подумав, спросил Тимо» [9, с. 144]; Лермонтова: «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана» [10, с. 161]; в «Летающем слоне» цитирует строфами Блока [6, с. 92-93] и пр. Русская литература является для него своеобразным способом самоидентификации: в большинстве случаев используемые им цитаты адресуются не русским людям, которые могли бы их оценить (за исключением цитирования Блока, с помощью которого шпион вошел в доверие к поэтически настроенному юноше), а денщику Тимо – плохо говорящему по-русски, но чрезвычайно исполнительному слуге.

Акунин в данном случае не только развивает постмодернистскую практику цитирования какого-либо другого произведения [12, с. 24; 22, с. 12], но и подчеркивает определенную черту характера героя. Этнический немец, для которого родным языком является немецкий, наедине со своим слугой-немцем, единственным знающим, кто он на самом деле, мог бы позволить себе расслабиться и заговорить на немецком языке. Однако он, напротив, настаивает на разговоре только на русском и при этом цитирует произведения русской литературы, как бы сверяя себя с апперцепционной базой. Интересно, что в произведении «Станный человек» отмечено, что фон Теофельс не идентифицирует европейские сказки: «Какая еще Герда? – разозлился майор (В семье Теофельсов детям не читали сказок Андерсена). – С ума вы, что ли, сошли?» [10, с. 167]. В описании семьи фон Теофельса вообще подчеркивается исключительная холодность в отношении отца к сыну, которую Йозеф воспроизводит в воспитании собственного наследника, строгость воспитания, отсутствие эмоциональной связи между старшим и младшим поколением. Это заставляет предположить, что связь с русской литературой у шпиона не эмоциональная, а рациональная: цитируя Пушкина и Лермонтова, он словно проверяет, достаточно ли хорошо он вжился в образ русского человека.

Русский, заново осваивающий родной язык

В «фандоринском» корпусе присутствует также персонаж, этнически являющийся русским, но при этом говорящий на английском. Николас Фандорин, внук Эраста Петровича, родился и вырос в Великобритании и изучает русский язык как иностранный, старательно осваивая жаргон: «Неизменное впечатление на барышень производил прекрасно освоенный трюк: двухметровый лондонец, не по-родному учтивый, с дурацкой приклеенной улыбкой и безупречным подбором ровно посередине макушки – одним словом, чистый Англичан Англичанович – вдруг говорил: «Милая Наташа, не *завалиться* ли нам в Челси? Там нынче *улетная*

тусовка» [1, с. 14]. Образцы жаргона в записной книжке помогают Николасу Фандорину договориться с преступниками, вернуть себе украденное, а в дальнейшем – понимать носителей русского языка.

Любопытно, что Николас Фандорин разговаривает не на вполне естественном русском языке: если речь фон Теофельса, немца, в основном состоит из кратких предложений, то Фандорин даже в минуты душевного потрясения строит сложные предложения, не забывая проговаривать грамматические основы полностью: «И, кстати говоря, хочу сообщить вам, что не могу принять предложение относительно продажи вам книжного оклада. Нужно уважать законы страны, в которой находишься. Так что верните мне обложку, я передам ее представителям городских властей. Я не буду настаивать на том, чтобы вознаграждение мне выплатили немедленно. Можно по частям или потом, через несколько лет, когда российская экономика окрепнет» [Там же, с. 203].

При этом способом идентификации русской культуры для Николаса Фандорина также становятся цитаты из произведений русской литературы, однако в его случае цитируются не классики, а поэты и барды XX века: Арсений Тарковский, Булат Окуджава [Там же, с. 7, 76]. При этом он испытывает те же проблемы, что и фон Теофельс: при старательном освоении русского языка ему не хватает апперцепционной базы, из-за чего он, например, не идентифицирует цитаты из «Золотого тельника» И. Ильфа и Е. Петрова: «Вы что, подпольщик? Как гражданин Корейко? – Как кто? – моргнул Фандорин, которому в его британском детстве папа сэра Александера не позволял читать советскую беллетристику» [2, с. 89].

Фактически семейная ситуация Николаса Фандорина похожа на ситуацию Йозефа фон Теофельса: строгий отец регулировал, что именно читает его сын. Эта неосведомленность приводит к коммуникативным неудачам и даже ставит под угрозу жизнь Фандорина: так, в романе «Алтын-толобас» ему практически до самого конца произведения не удается понять, что Седой – это кличка человека по фамилии Соловьев, так как в его сознании эти две фамилии не связаны.

Николас Фандорин активно интегрируется в российское общество, быстро осваивает прецедентные феномены и легко разбирается в новых жаргонизмах: «Только теперь до Николаса дошла причина девичьей заинтересованности в его персоне. Слово “ботинок” (производное от “батя”) на живом великорусском означало “отец”» [Там же, с. 34]. Его речь не вызывает отторжения у носителей русского языка, однако он разговаривает, используя главным образом полные предложения и полностью эксплицитно проговаривая их грамматическую структуру, что характерно скорее для английского языка, чем для русского.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к следующим *выводам*. В романах и повестях современного писателя Бориса Акунина, посвященных Эрасту Фандорину и его родственникам, выведены персонажи, которые, будучи иностранцами, практически идеально выучили русский. Эти персонажи – помощник и друг Эраста Петровича Фандорина Маса, дальний родственник Фандорина Йозеф фон Теофельс и внук Эраста Петровича Николас Фандорин – воплощают собой три архетипа «иностранца в России», и стратегия изображения их речи в текстах произведений различается.

Прежде всего, Маса – японец, фон Теофельс – немец, Николас Фандорин – англичанин (этнически – русский), и они воплощают соответственно архетипы дружественного Востока, враждебного Запада и эмигранта, возвращающегося с Запада на Восток. Эти три типажа соответствуют не только их жизненной истории (Маса прибывает в Россию вместе с Фандориным, постепенно интегрируется в русское общество и дружелюбно взаимодействует с его представителями, фон Теофельс – шпион, маскирующийся под русского человека, а Фандорин – эмигрант, до 40 лет проживший в Великобритании и затем принявший решение вернуться на историческую Родину), но и авторской стратегии формирования их речевого портрета.

Все три персонажа говорят на хорошем русском языке (Маса – в конце цикла «Новый детектив», фон Теофельс и Николас Фандорин – с самого начала), и при этом можно выделить характерные черты, объединяющие персонажей «попарно». Так, Масу и фон Теофельса роднит владение русским синтаксисом: оба они употребляют такие структуры предложений, которые, как правило, вызывают трудности у иностранцев: неполные предложения, односоставные предложения, превосходно владеют эллипсисом и парцелляцией. При этом оба они – иностранцы, воины, люди, с детства прошедшие усиленную физическую и психологическую подготовку, тренировавшие свою силу воли и различные навыки. Освоение языка вероятного противника (для фон Теофельса) и родного языка своего господина, перед которым он находится в неоплатном долгу (для Масы), было выполнено с тем же напряжением воли и сил, что и привело этих персонажей к результату в виде хорошо освоенного иностранного языка. Николас Фандорин описывается как рассеянный, слабобольной человек, что отражается и на освоении им языка: при живом интересе к сленгизмам он не перестраивает структуру используемых предложений, продолжая «думать на английском».

Существует и черта, роднящая представителей рода Фандориных и отличающая их от Масы, – фон Теофельс и Николас цитируют русскую литературу, которая становится для них своеобразной «точкой проверки», способом оценки обстоятельств. Маса же цитирует различные японские сказания и произведения на протяжении всего «фандоринского» корпуса. Тем самым Акунин проводит диверсификацию: рациональное, «головное» изучение иностранного языка в западной традиции (включающее домашнее чтение) радикально отличается от иррационального, «сердечного» освоения иностранного языка японцем Масой, который учит русский язык, встречаясь с различными русскими девушками.

Таким образом, Акунин в своем «фандоринском» корпусе обращается к нетипично решаемому образу «русского иностранца». Декларируя ориентацию на ценности и стилистику XIX столетия, он выводит в своих

произведениях типаж, который в классической русской литературе как раз отсутствовал, – иностранца, хорошо говорящего на русском языке. Три варианта решения этого образа показывают три возможных пути взаимодействия Запада и Востока с Россией. *Перспективой дальнейшего исследования* является изучение речевого портрета других персонажей, находящихся в маркированных ситуациях, как в творчестве Б. Акунина, так и в современной литературе в целом. Так, в современной литературе развит жанр фантастических произведений, связанных с «попаданием» персонажа в другую историческую эпоху, причем в большинстве случаев персонаж легко адаптируется в новой для себя языковой среде (ср. «Детская книга для мальчиков» Б. Акунина и «Детская книга для девочек» Б. Акунина в соавторстве с Глорией Му). Речь персонажа-«попаданца» также представляет собой интересный материал для дальнейшего лингвистического анализа.

Список источников

1. Акунин Б. Алтын-толобас. М.: АСТ, 2014. 384 с.
2. Акунин Б. Внеклассное чтение. М.: АСТ, 2015. 576 с.
3. Акунин Б. Любовник смерти. М.: Захаров, 2015. 304 с.
4. Акунин Б. Не прощаюсь. М.: Захаров, 2020. 416 с.
5. Акунин Б. Смерть Ахиллеса. М.: Захаров, 2016. 336 с.
6. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Летающий слон. М.: АСТ, 2010. 256 с.
7. Акунин Б. Смерть на брудершафт. «Мария», Мария... М.: АСТ, 2011. 280 с.
8. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Младенец и черт. М.: АСТ, 2009. 288 с.
9. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Ничего святого. М.: АСТ, 2012. 284 с.
10. Акунин Б. Смерть на брудершафт. Странный человек. М.: АСТ, 2010. 280 с.
11. Акунин Б. Черный город. М.: Захаров, 2020. 368 с.
12. Башкова И. В. Изучение языковой личности в современной российской лингвистике. Красноярск: СФУ, 2011. 470 с.
13. Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии: дисс. ... к. филол. н. М., 2010. 189 с.
14. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс. ... д. филол. н. Л., 1984. 388 с.
15. Казачкова А. В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х годов: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2015. 203 с.
16. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 774 с.
17. Кихней Л. Г., Афанасьева О. В. Англо-американские жанровые подтексты в «Нефритовых четках» Б. Акунина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. № 1 (60). С. 22-27.
18. Кихней Л. Г., Афанасьева О. В. Жанровая традиция и жанровые новации (на материале «фандоринского цикла» Б. Акунина) // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Москва – г. Пенза, 25-26 марта 2019 г.). М. – Пенза: ПГТУ, 2019. С. 3-8.
19. Кихней Л. Г., Герейханова К. Ф. «У шкатулки второе дно...»: к интертекстуальным парадоксам Бориса Акунина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение, журналистика». 2017. Т. 22. № 4. С. 608-613.
20. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дисс. ... д. филол. н. Саратов, 1999. 45 с.
21. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2006. 22 с.
22. Туова Р. Х. Феномен прецедентности в цикле романов Б. Акунина об Эрасте Фандорине: когнитивно-семантический и лингвокультурологический аспекты: дисс. ... к. филол. н. М., 2017. 174 с.
23. Фонвизин Д. И. Недоросль [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1098/index.html> (дата обращения: 19.11.2020).

Speech Portrait of Foreigner's Image in B. Akunin's "Fandorin" Corpus as Linguostylistic Constant of the Meta-Cycle

Borunov Artem Borisovich, PhD
Moscow City University
borunov.artem@yandex.ru

The purpose of the study is to reveal B. Akunin's strategy used in the "Fandorin" meta-cycle to create a speech portrait of a character-foreigner, who is able to integrate into the Russian society. Scientific novelty of the research lies in identifying typical devices employed in creating the image of the "Russian foreigners" through the lens of speech. As a result, the author identifies certain homology in linguostylistic means use in creation of the mentioned images, whose very presence in Akunin's novels is one of the cycle-forming constants of the "Fandorin" corpus. It is proved that the most frequently used (as a part of language play with the reader) means of identifying a "Russified" foreigner is quoting from works of the classic Russian literature.

Key words and phrases: Akunin; postmodernism; language play; speech portrait; imitation of the Russian speech.